

Ты слишком жесток, меня даже отец никогда не бил, — с плаксивыми нотками в голосе пожаловался юноша, зарывшись лицом в ракушечную кровать.

Сидевший рядом молодой человек в черных даосских одеждах мягко протянул руку, приподнял лицо юноши и парировал: — Когда твой отец умер, ты еще был яйцом. Расскажи-ка мне, как он тебя бил?

Фан Цану всхлипнул, а затем уставился на Тунтяня влажными круглыми глазами и возмутился: — Я же наследный принц Клана Драконов, неужели у меня совсем нет гордости?! Ты посмел отшлепать меня!

Фан Цану говорил с такой ноткой неверия, что до сих пор не мог прийти в себя после того, как Тунтянь отлупил его по заднице.

Услышав это, Тунтянь протянул руку и изо всех сил потрепал Фан Цану по щекам, после чего произнес: — Осмелишься сделать такое снова — я отшлепаю тебя уже не по заднице.

Фан Цану испытал такой шок, словно перед ним предстал какой-то отъявленный извращенец.

— Не ожидал, что ты из таких, — спустя мгновение изрек Фан Цану, глядя на Тунтяня.

Тунтянь посмотрел на Фан Цану, который пытался завернуться в простыню, точно шелкопряд, и тихо сказал: — Вставай, мой старший брат хочет тебя видеть.

Едва Тунтянь умолк, как Мэн Чжан, неотлучно дежуривший за дверью, вовремя подал голос: — Ваше Высочество, Тайцин и Юйцин, оба уважаемых соратника по Дао, уже ждут вас в главном зале.

Фан Цану с трудом высунул голову из-под одеяла и посмотрел на Тунтяня: — Я могу не идти?

Жестокий нрав Юйцина он уже успел прочувствовать на себе: когда тот лупил Тунтяня, то совершенно не сдерживался.

Но стоявший за дверью Мэн Чжан произнес: — Ваше Высочество, вы — наследный принц Клана Драконов.

Делать было нечего, Фан Цану вылез из ракушечной кровати, привел в порядок одежды и направился в главный зал.

Внутри Лао-цзы и Юйцин восседали на креслах, перед ними были расставлены духовные плоды и ключевая вода, однако Юйцин даже не притронулся к угощениям, а его лицо выглядело мрачнее тучи.

Кунъюань, которого угораздило застрять в главном зале, чувствовал себя так, будто задыхался, и в какой-то момент ему захотелось спрятаться прямо в яичную скорлупу Дапэна.

Спустя мгновение из-за дверей донеслись шаги, и одновременно с этим Юйцин с глухим стуком опустил на стол нефритовый кубок с водой.

От этого звука даже шаги вошедших слегка замедлились. Юйцин уже собирался поднять голову и устроить нагоняй, как вдруг увидел, что юноша прячется за спиной Тунтяня и смотрит на него покрасневшими глазами, полными невысказанной обиды.

Готовые сорваться с языка слова упрёка застряли у Юйцина в горле, и тогда он взглядом спросил Тунтяня: в чем дело?

Тунтяню не оставалось ничего другого, кроме как вытянуть спрятавшегося за его спиной Фан Цану наружу, а затем объяснять Юйцину: — Он боится, что ты его побьешь.

Услышав это, Юйцин покрылся сплошными вопросительными знаками. Какими бы ни были статус и громкая слава Саньцин, он бы ни за что не стал бить чужого ребенка на чужой территории и на глазах у всех — хотя этот сорванец определенно напрашивался на порку.

— Ты... — начал Юйцин, но тут же осекся, тщательно подбирая слова, чтобы ненароком не довести гостя до слез с первых же слов.

В следующую секунду из глаз Фан Цану закапали слезы, а покрасневшие края век делали его вид донельзя жалостливым.

— С-чего ты вдруг расплакался? — Юйцин растерялся. Ему еще никогда не приходилось видеть плачущих людей: когда он в прошлом отчитывал Тунтяня, тот всегда огрызался в ответ, едва не доводя старшего брата до белого каления.

Фан Цану опустил голову, уголки его губ едва заметно приподнялись, и он всхлипывая пожаловался: — Тунтянь меня бьет.

Мгновением позже Фан Цану удостоился изумленного взгляда Тунтяня, в котором читалось: ты что, побежал жаловаться моему брату?

Юйцин замер и перевел взгляд на Тунтяня. Тунтянь замер и перевел взгляд на Фан Цану.

— Меня даже отец никогда не бил, а ты посмел! Я наследный принц Клана Драконов, разве у меня нет гордости?!

Услышав это, Юйцин грозно зыркнул на Тунтяня: — Ты совсем распоясался!

Тунтянь покорно опустил голову, слушая наставления, а про себя подумал: понятия не имею, есть ли у него гордость, но моя-то репутация рухнула окончательно.

Вдоволь отчитав Тунтяня и осушив две большие чаши духовного источника, Юйцин наконец унял свой гнев.

Что же до того маленького дракона, из-за которого Тунтянь попал под раздачу, Лао-цзы лично утешил его, не только осыпая мягкими, ласковыми словами, но и щедро одарив бесчисленными духовными пилюлями и чудодейственными лекарствами.

— Спасибо, братец Лао-цзы, — Фан Цану нарочито заговорил нежным, молочным голосом, свойственным лишь юным драконам.

— Пустяки, у меня их еще много, если понадобятся — просто попросишь, — улыбнулся Лао-цзы, и взгляд его был столь мягким, будто он и впрямь глядел на собственного младшего брата.

Фан Цану прижал к груди сокровища и радостно захлопал в ладоши, после чего поинтересовался у Лао-цзы, не сможет ли тот сварить для него пилюлю, отбеливающую чешую дракона.

— Дело плевое, как вернемся — сразу разожгу печь. — Лао-цзы не удержался и потрепал Фан Цану по голове, с легкой тоской думая о том, что Тунтянь уже целую вечность не позволял ему сделать подобное.

А стоявшему рядом Тунтяню пришлось бесчисленное количество про себя повторить фразу я вовсе не завидую, чтобы удержаться от непреодолимого желания снова отшлепать этого маленького дракона по заднице.

Когда гнев Юйцина рассеялся, они вернулись к главной теме: — Говорите, что за история с теми пятью бессмертными островами?

Не дожидаясь ответа Тунтяня, Фан Цану перехватил инициативу: — Это свадебный подарок от Тунтяня!

Юйцин кивнул, с грехом пополам приняв такое объяснение: с тех пор как в мире появились первые спутники пути Дао, Небесный Путь обзавелся новыми знаниями о таких вещах, как свадебные дары и приданое.

— А Тунтянь вообще хотел назвать тот остров Островом Черепахи, — надул щеки Фан Цану.

Тунтянь не выдержал, наклонился и слегка ущипнул Фан Цану за щеку, после чего тихо произнул: — Это ты норовишь во всем на меня пожаловаться, а я ведь ясно назвал его островом Цзиньбао.

Фан Цану фыркнул, повернулся к Лао-цзы и спросил: — Какая вообще разница между черепахой и морской черепахой?

Лао-цзы улыбнулся: — Просто делай так, как говорит Тунтянь.

— Слышал? — победоносно бросил Фан Цану Тунтяню.

Тунтянь остолбенел: он никак не ожидал, что даже Лао-цзы встанет не на его сторону.

— Раз уж это свадебный подарок, мне больше нечего добавить. Я прибыл сюда, чтобы забрать Тунтяня обратно в Куньлунь. — С этими словами Юйцин неторопливо сделал глоток воды, перевел взгляд на Фан Цану и продолжил: — Раз уж вы с Тунтянем связали свои судьбы на пути Дао, пути назад нет, так что отправляйся с нами в Куньлунь.

— Чего? — Фан Цану опешил. — Но я же наследный принц Клана Драконов.

Юйцин окинул его беглым взглядом: — Хоть уровень развития и высок, фундамент из рук вон плох. Вернешься в Куньлунь — будешь вместе с Тунтянем затворяться на культивацию, а в свободное время слушать мои лекции по Дао.

Фан Цану всем телом задрожал и робко пролепетал: — Клан Драконов еще во мне нуждается.

Его голос затих, когда в помещение внезапно вошел Мэн Чжан и мягко произнес: — Ваше Высочество, старейшины велели передать: за Кланом Драконов присмотрят они, а вы можете со спокойной душой отправляться в Куньлунь.

Нет, душа у меня ни капли не спокойная, — окаменел Фан Цану.

Делать было нечего, сопротивляться он не мог, и в итоге Юйцин просто упаковал их с Тунтянем вместе и увез в Куньлунь.

По дороге Тунтянь взглянул на приунывшего маленького дракона: — Думал, брата Юйцина так просто называть хорошими словами?

Фан Цану пребывал в полном помрачении рассудка: — Тогда буду звать его матушкой.

В ту же секунду звонкий щелчок пришелся Фан Цану прямо по лбу, и Тунтянь вздохнул: — Похоже, тебе снова захотелось ремня.

В этот самый момент небо и земля внезапно преобразились: восемьдесят девять ударов Божественной Молнии Цзысяо, подобные гигантским драконам, с грохотом обрушились на

какую-то точку. От этого сотряслись небеса и земля, и никто, кроме обладателей ступени Золотого Бессмертного Дало, не смел даже поднять глаз.

Лица Юйцина и Лао-цзы мгновенно стали суровыми, ибо они ощутили присутствие совершенно иной ступени бытия — той, что стояла неизмеримо выше Золотых Бессмертных Дало, той самой возможности совершить прорыв.

Фан Цану, сидевший на облаке, прикрыл глаза рукавом, защищаясь от бушующих повсюду молний, и спросил: — Какой же соратник по Дао преодолевает Небесную Кару?

Тунтянь опустил взгляд и тихо ответил Фан Цану: — Твой учитель.

Фан Цану встrepенулcя и вскочил, глядя на грозовые раскаты вдаль: — Так быстро?!

Хунцзюнь вот-вот станет Святым! А его собственная база культивации еще даже не достигла ступени Золотого Бессмертного Дало.

Эта Небесная Кара взбудоражила не только Саньцин и Фан Цану, но и бесчисленных могущественных существ: двух Трехногих Золотых Воронов со Звезды Солнца, Куньпэна из Северной Обители, скрывавшихся от мира Фу Си и Нюйва, западную парочку, бравшую взаймы у будущего, Чжэнь Юаньцзы, рожденного с Книгой Земли в руках, а также Хунъюня — все они пристально следили за происходящим.

Когда грозовая кара завершилась, с востока хлынули потоки пурпурного тумана, явился Святой Небесного Пути, и бесчисленные волны заслуг, превратившись в золотые лотосы, пролились на земли Хунхуана, орошая их. В тот миг несметные живые существа обрели духовное просветление, и даже Фан Цану почувствовал необычайную легкость на сердце.

— Я — Святой Небесного Пути Хунцзюнь. Спустя тысячу лет я буду читать лекции в Тридцати Небесах во Дворце Цзысяо.

Оставив эти слова, Хунцзюнь исчез без следа, однако в сердцах потрясенных могущественных существ Хунхуана поднялась колоссальная буря.

Это был их шанс, и в Тридцать Небесов предстояло отправиться обязательно.

— Как думаешь, если попросить учителя оставить для меня местечко, сработает? — Фан Цану потянул Тунтяня за рукав.

Он ничего особенного не ждал, просто бросил фразу к слову.

Однако, прежде чем Тунтянь успел ответить, прятavшийcя в Жемчужине Хаоса Ло Хоу

разразился презрительным смехом: — На это место уже давно есть свои виды, титул Святого — не то, что раздают по первому требованию.

— Только ты вечно язык треплешь. Ло Сяоай, тебе бы лучше учиться рассказывать истории про властных генеральных директоров, — пригрозил Фан Цану, ткнув в Жемчужину Хаоса пальцем, и больше не стал обращать на Ло Хоу внимания.

Юйцин же с предельно серьезным выражением лица посмотрел на Фан Цану: — В течение тысячи лет ты обязан пробиться на позднюю ступень Золотого Бессмертного Дало.

— Хорошо.

Тунтянь потрепал Фан Цану по макушке: — За пределами Тридцати Небес свирепствуют небесные ветры, а энергии пяти первоэлементов переплетены в хаос. Без защитных артефактов даже Золотому Бессмертному Дало трудно уберечься от увечий, так что старший брат делает это ради твоего же блага.

— Матушка Юйцин такая добрая, — с умилением произнул Фан Цану.

Услышав это обращение во второй раз, Юйцин едва не треснул пополам от переполнявших его чувств.

Тунтянь тихо кашлянул в кулак и пояснил: — Малыш-дракон испытывает к тебе искреннюю привязанность, боюсь, он подсознательно воспринимает тебя как свою божественную матушку.

Юйцин криво усмехнулся одними губами: — Ты сам-то веришь в то, что говоришь?

Тунтянь отвернулся, старательно разглядывая небо и землю вокруг, лишь бы не смотреть на Юйцина.

Лао-цзы, заметив это, придержал Юйцина за рукав: — Хватит тебе, к чему злиться на только что родившегося маленького дракона.

Юйцин холодно фыркнул, но стоило ему повернуть голову и натолкнуться на влажные глаза дракончика, как он с грехом пополам решил не портить нервы.

Фан Цану наконец уразумел: он балансирует на самом краешке терпения Юйцина.

Очень скоро Фан Цану пожинать плоды своего поведения: Юйцин оказался настоящим маньяком зубрежки. Он принялся нещадно читать лекции для Фан Цану, наотрез отказавшись позволять тому заниматься парной культивацией с Тунтянем.

Фан Цану казалось, будто он заново переживает вступительные экзамены в университет. К тому моменту, когда он наконец прорвался на ступень Золотого Бессмертного Дало, от него самого почти ничего не осталось — силы были полностью истощены.

Убедившись, что уровень развития Фан Цану с натяжкой соответствует норме, Юйцин соизволил отпустить его ненадолго погулять. Со слезами на глазах Фан Цану кинулся к Тунтяню: — Я был неправ, не стоило мне плясать на грани терпения Юйцина. Он же безжалостный классный руководитель, причем работающий без выходных, двадцать четыре часа в сутки!

Тунтянь похлопал Фан Цану по голове и спросил: — Понял, в чем был неправ?

— Понял, — со слезами на глазах подтвердил Фан Цану.

— В следующий раз снова начнешь чудить?

— Обязательно начну!

<http://bllate.org/book/21824/2259971>